

Приложение

Медведи в средневековой русской геральдике: семантика образов

Медведь ярославский, кудлатый,
Шагает, как знамя подняв
Секиру, которой когда-то
Убил его князь Ярослав.

Валентин Берестов

К счастью, наш богатырь (*медведь*) отличается рыцарским характером, чуждым всякого коварства и лжи. Не умея лукавить, он добивается своего открытой силой и не прибегает к бесполезной жестокости, подобно волкам. В основе медвежьего характера лежит полная флегматичность и любовь к покою.

Альфред Брэм «Жизнь животных»

Символ медведя занимает существенное место в геральдике Европы. В гербах западноевропейских городов медведь зачастую выполняет функцию т.н. «гласного» герба, т.е. обозначает реальную или мнимую этимологию названия города. Таковы, например, «медвежьи» гербы Берлина, Берна, Бернау, герцогства Беррийского, Бьёрнеборга (Пори) в Финляндии и др., хотя в некоторых случаях символ медведя, как, например в гербе Мадрида (медведь, стоящий у земляничного дерева и пытающийся достать его плод), имеет, очевидно, иную семантику (причём в мадридском гербе тоже отражена своеобразная этимология названия: *madroño* по-испански означает «плод земляничного дерева»). В некоторых случаях медведи отражают природные особенности края, как, например, в гербе Гренландии (белый медведь, сидящий на задних лапах). Между тем, традиционно на Западе с образом медведя, как известно, устойчиво ассоциируется Россия. Истоки этого сопряжения относятся ещё к XVI–XVII вв., т.е. к началу установления регулярных дипломатических и торговых контактов России с западными странами. В представлении о том, что по улицам русских городов бродят медведи, подчёркивающее «дикость» и дремучесть далёкой страны, могло отразиться реальное хождение с медведями ряженых, осуществлявшееся в определённые периоды народно-церковного календаря. Уже с конца XVI в. медведи для Западной Европы служили визуальным символом России, что

подтверждается и картографическим⁴³² и даже геральдическим материалом (медведи в качестве щитодержателей герба торговой английской Московской компании⁴³³). Присутствовал медведь и в эмблематике русской средневековой культуры, причём его семантика в ней отличалась заметным разнообразием.

Среди земельных эмблем средневековой Руси, по сути древнейших территориальных гербов России⁴³⁴, известны три, на которых помещались изображения медведей. Два медведя появились ещё во времена Ивана Грозного и известны на печатях его царствования – прежде всего на т.н. «Большой государственной печати», созданной в конце 1570-х гг. (не позднее августа 1578 г.), в период Ливонской войны. Однако все три эмблемы с медведями приобрели окончательный вид только к 1672 г., когда вошли в «Титулярник» среди других земельных эмблем. Больше в допетровский период медведей в русской земельной эмблематике (за одним исключением, о котором будет сказано в конце этого текста) нет.

Значительная часть старинных земельных эмблем представлена образами животного мира. С одной стороны, они могли иметь чисто «природное», вполне естественное для данных территорий происхождение. С другой, образы животных могли иметь глубокий символический смысл, причём семантический диапазон того или иного представителя фауны мог быть весьма широким. Отсутствие официального объяснения эмблемы, адекватного времени её появления, в письменных источниках существенно затрудняет прояснение её семантики, но в некоторых случаях сами особенности изображения позволяют высказать определённые предположения.

Все три случая с медведями как раз таковы. Медведи здесь не просто изображены в «естественном» своём состоянии, а имеют каждый особенные атрибуты, заставляющие вести поиски подходящих интерпретационных моделей. Обращает на себя внимание и то, что все три медведя сопряжены с конкретными территориями севера и северо-востока Руси, причём с теми, которые когда-то воспринимались в целом как окраинные, в некотором смысле периферийные – это Новгородская земля, Ярославская и ещё более далёкая Пермская. Подчеркнём и их связь с финно-угорскими народами. В Новгородской земле этот элемент был первоначально весьма значимым – достаточно вспомнить, что Рюрика с братьями «приглашали на княжение» и славянские, и финно-угорские племена; Ярославль был основан на землях со смешанным славянско-финноугорским населением; а коренными жителями Пермской земли были коми. Хотя, конечно, к XVI в. в Новгородской и Ярославской землях этническая картина существенно изменилась, финно-угорский элемент не растворился полностью в славянском окружении, и соответствующие

культурные традиции, пусть рудиментарно, могли сохраняться. Пермская же земля и вовсе представляла собой регион с преобладающим финно-угорским населением. Впрочем, не следует забывать и того, что в каждом случае на появление медведей в территориальных эмблемах могли повлиять и вполне конкретные исторические и идеологические обстоятельства.

Тем не менее сам образ медведя в мифо-ритуальных системах жителей лесной и лесостепной природно-географических зон играл, как известно, важную роль⁴³⁵. Не были исключением ни славяне, ни финно-угры. Так что появление медведей в земельной геральдике России было явлением закономерным. В то же время, подобно гербам Берлина или Берна, «русские» медведи не объясняли название города, т.е. не выполняли чисто этимологическую функцию «гласных» эмблем. В каждом из этих гербов медведи занимают разное положение, имеют различные атрибуты и, соответственно, отражают разную семантику эмблем, вписывающуюся в более широкий историко-культурный контекст. Особенности их изображений и смыслового значения рассмотрим на примере каждого из них.

1. Медведь-страж в новгородском гербе.

Как можно думать, новгородский медведь впервые появился на печати новгородского наместника в 1565 г. 1 сентября (в новый, 7074-й год от Сотворения мира) Иван Грозный «велел зделати печать нову в Великий Новгород Ноугородским наместником печатати грамоты перемирные с Свейским королём Новугороду о перемирии и грамоты посылные печатати о порубежных и о всяких делех к Свейскому королю; а на ней клейно: место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба; а около печати подпись: «царьского величества боярина и Великого Новагорода наместника печать»⁴³⁶. В таком виде печать Новгородская вошла в число эмблем на Большой печати Ивана Грозного (конец 1570-х гг.), с единственным изменением – рыб в нижней части герба стало две (плывущих навстречу друг другу). Кроме того, известна печать новгородского наместника, скреплявшая документ от августа 1561 г. о перезаключении шведско-русского перемирия – на ней изображены два противостоящих зверя, один большой, другой поменьше, по всей видимости, лев и, возможно, рысь⁴³⁷.

С середины XIX в. известно также о существовании ещё одного типа печати, на которой зверей нет, а помещено только место с посохом и рыбы внизу (этот тип представлен, в частности, т.н. «печатью из собрания М.В. Толстого»). Время употребления печати без «стражей места» охватывает период с конца XVI в. по начало XVII в. (самый ранний документ с оттиском такой печати датируется 1593 г., она скрепляла и документы 1611–1614 гг., связанные с приглашением на

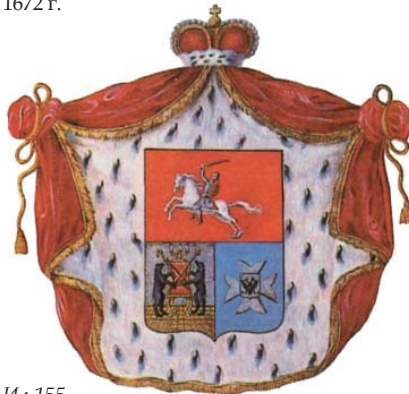
новгородский и русский престол шведского принца Карла-Филиппа), таким образом, особенно активно эта печать использовалась в период Смутного времени, когда Новгород ненадолго стал вновь независимым от Москвы⁴³⁸. Примечательно, что количество рыб на одном из вариантов этой печати возросло – их уже три⁴³⁹. Принципиально важным является и отличие в легендах печатей. Если печать образца 1565 г. была печатью царского наместника, то печать конца XVI – начала XVII в. являлась печатью «господарства Великого Новаграда», т.е. как бы печатью Новгородского государства. Эта печать была вывезена шведами из Новгорода в период оккупации⁴⁴⁰.

Впоследствии вариант с Большой печати Ивана Грозного частично восстановился. Так, на саадачном покровце царя Михаила Фёдоровича (после 1626 г.) новгородский герб повторяет изображение на Большой государственной печати Ивана Грозного за одним существенным исключением – вместо медведя и рыси держателями «места» стали два медведя (*ил.* 153). В то же время в росписи печатей Алексея Михайловича описание новгородской эмблемы таково: «В Великом Новегороде место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки»⁴⁴¹. Иными словами, здесь описана печать конца XVI – начала XVII в. Г.И. Королёв полагает, что этот факт можно объяснить одновременным существованием двух новгородских печатей: «полная» печать (с медведем и «рысью») предназначалась для скрепления дипломатических документов, а её изображение использовалось в качестве официальной новгородской эмблемы на высшем государственном уровне, сфера же применения «малой» (без стражей места) ограничивалась внутренними делами⁴⁴². Однако, оснований для такого умозаключения недостаточно. Нет упоминаний об одновременном использовании двух типов печатей в конце XVI в.⁴⁴³, сомнительна такая ситуация и для XVII в., ведь роспись печатей времён Алексея Михайловича могла фиксировать историческую печать Новгородского государства, уже не используемую на практике. Во всяком случае, различие в легендах печатей ясно указывает на их разный статус. Важным различием между ними было и количество рыб, требующее, вероятно, самостоятельного исследования. Три рыбы известны в новгородской эмблематике, связанной с именем владыки Евфимия, ещё в XV в.⁴⁴⁴

К 1672 г., когда был создан «Титулярник», изображение изменилось, приобретя уже окончательный вид: место превратилось в трон, его спинку увенчал трисвечник, на троне разместились перекрещенные скипетр и посох с навершием в виде креста, с обеих сторон трон охраняли медведи⁴⁴⁵ (*ил.* 154). Согласно «Описанию гербам» конца XVII в. Новгородский герб выглядит следующим образом: «Престол, на нем светильник с тремя свещи, а на нем же

Ил.154
Новгородский герб
из «Титулярника»,
1672 г.

Ил.155
Герб князей
Голицыных.

Ил.156 Герб
финской
провинции
Сатакунта.

Ил.157 Герб
Ухтинского
правительства.

Ил.158 Герб
Республики
Карелия.

Ил.159 Ярославский герб из
«Титулярника», 1672 г.

Ил.160 А.М. Васнецов. Медведчики, 1911 г.

крест да посог, посторонь два медведя, передними ногами держат престол, под престолом озеро, а в нем две рыбы»⁴⁴⁶. Так в целом завершилась эволюция новгородского герба⁴⁴⁷.

Относительно эмблем, его составляющих, в историографии ведётся долгая и весьма активная дискуссия. К сожалению, как правило, все они рассматриваются в отдельности, в то время как, очевидно, существенен их анализ в совокупности. Наиболее спорна интерпретация «места» и посоха. Первоначально полагали, что это символы новгородской власти – вечевая ступень и жезл посадника⁴⁴⁸, но после работы Н.Г. Порфиридова⁴⁴⁹ общим местом в историографии стало мнение, что на самом деле это – символы княжеской власти, свидетельствующие не о независимости Новгорода, а о подчинении московскому царю⁴⁵⁰. При этом априорно подразумевалось, будто при Иване Грозном размещение на новгородской печати символов прежней власти было категорически невозможно, что само по себе, однако, отнюдь не очевидно. Напротив, использование этих символов, подчёркивавшее местные особенности Новгородской земли, её историю, могло быть переосмыслено как замена власти посадника властью наместника при сохранении прежних атрибутов. И действительно, как уже указывал А.В. Арциховский, детально исследо-

вавший изображения аналогичных предметов на древнерусских миниатюрах, «место» и жезл наиболее подходят к атрибутам новгородской вечевой и посаднической власти⁴⁵¹. В то же время они выглядят явным анахронизмом применительно к царским регалиям середины XVI в., что отмечала, в целом соглашаясь с Н.Г. Порфиридовым, А.Л. Хорошкевич⁴⁵².

В самом деле, на той же Большой печати Ивана Грозного регалии царской (или княжеской) власти помещены вполне определённо в качестве эмблемы Великого княжества Смоленского – это трон с лежащей на нём шапкой-венцом. На самом деле, по-видимому, на печати произошла путаница, и эта эмблема должна символизировать Великое княжество Тверское, чьим гербом впоследствии и стала (об этой инверсии см. далее). Что могли означать символы власти на тверской эмблеме – власть московского царя над давними соперниками в борьбе за первенство на Руси или же символизировали само великое княжество – власть тверских князей (и в этом случае, заметим, их наличие в тверском гербе типологически сходно с наличием «места» и посоха в новгородском) – требует отдельного рассмотрения и в данном контексте не так существенно – важно, что символы княжеской власти в числе прочих земельных эмблем уже присутствовали, и они никоим образом не походили на имевшиеся в новгородской эмблеме. Практически одновременное использование двух «наборов» царских атрибутов (трона с шапкой и «места» с посохом) требует специального объяснения⁴⁵³, но вопрос снимается, если признать именно *местную* специфику новгородских символов власти. Это объясняет и особенности новгородской эмблемы на печати времён Смуты. То, что осталось только центральное изображение («место» и посох), а также рыбы, показывает, что именно оно и воспринималось как символ новгородской государственности. Но тогда медведь и рысь имели иное, скорее всего связанное с центральной властью, значение. Какое же?

Интерпретация животных новгородской эмблемы также довольно сложна. Прообразом льва печати 1561 г. Дж. Линд полагает львов с новгородских печатей XV в., которые обозначены легендой «А се люты зверь»⁴⁵⁴ – тем самым лев как бы символизировал преемственность от прежнего периода новгородской истории. Замечу, впрочем, что интерпретация исследователем большого зверя с новгородской печати как льва спорна. Остальные зоологические символы, по мнению Дж. Линда, были непосредственно связаны с Ливонской войной, территориальными присоединениями и притязаниями⁴⁵⁵. Рыба была взята с герба Нарвы, захваченной русскими войсками (на нём изображалась рыба под короной), а её расположение под «местом» как бы символизировало то, что Нарва теперь

находится под властью московского государя. Рысь – с герба финской провинции Тавастия («Емь» русских источников), а медведь – с герба провинции Северный Финн, владений финляндского князя Юхана Ваза, с именем которого и связана символизация Финляндии медведем. Таким образом, два последних зверя выполняли геральдическую функцию «притязания». Такое объяснение логично, но может встретить некоторые возражения.

По мысли Г.И. Королёва, рыбы необязательно могли обозначать подчинение Нарвы, ибо само по себе их расположение под «местом» выглядит вполне естественным и не требует сопоставления взаимного расположения эмблем с нарвским гербом. В то же время рыбы могли являться и чисто природным символом, обозначающим особенности края, подобно рыбам в белозерском гербе. Можно понимать и двух рыб как указание на местоположение Новгорода – у реки Волхов и озера Ильмень. Исследователь предложил и ещё одну интерпретацию двух рыб, как бы продолжая рассуждения Дж. Линда: если первая рыба означала Нарву, то вторая могла означать Ивангород⁴⁵⁶. Вслед за этим С.В. Зверев предположил, что третья рыба, появившаяся на печати, по всей видимости, в период войны со Швецией 1590–1595 гг., также могла быть связана с территориальными притязаниями: три рыбы означали возвращение под власть России Балтийского побережья с Ямом, Копорьем и Ивангородом. Отсутствие же зверей, символизовавших, по мысли Линда, Тавастию и Северный Финн, могло служить «геральдическим подтверждением» отсутствия у Фёдора Иоанновича таких территориальных претензий⁴⁵⁷. Однако все эти построения представляются довольно искусственными. Во-первых, совершенно непонятно, почему Ивангород и другие русские крепости символизировали именно рыбы, а во-вторых, абсолютно нелогичным выглядит в рамках этой логики «возрождение» зверей в новгородской эмблеме при Михаиле Фёдоровиче.

Если изображение медведя на новгородской эмблеме вполне очевидно, то с рысью дело обстоит сложнее. Детальный анализ изображения и истории наименования «рысь» привёл Г.И. Королёва к интересному выводу, что под «рысью» новгородского герба подразумевался на самом деле «барс» (леопард)⁴⁵⁸. Исследователь отметил упоминание барса в библейской книге пророка Даниила: «затем видел я: вот ещё зверь, как барс...» (Дан. 7:6), понимавшегося позднейшими толкователями библейского текста как аллегория одного из древних царств, и не отверг возможность учёта этой семантики при анализе новгородской эмблемы. Впрочем, по мнению историка, медведь и барс, стоящие на страже «места», лишь «усиливают значение центральных фигур»⁴⁵⁹.

И действительно, и медведь и «рысь» (позднее второй медведь) являются как бы стражами центрального изображения, выполняя функцию аналогичную щитодержателям по отношению к щиту в гербе. Однако, если связывать барса с символикой видения пророка Даниила, то невозможно не обратить внимание и на присутствие в этой символике медведя: «и вот, ещё зверь, второй, похожий на медведя...» (Дан. 7:5), а также на то, что эти звери выходят «из моря» (рыбы в нижней части герба). О четырёх зверях из видения пророка Даниила и их изображениях в средневековой русской культуре уже говорилось выше. Аналогия здесь, конечно, неполная, поскольку в новгородской эмблеме имеются только два зверя, причём, даже не первый по порядку «видения», каким должен быть лев, а второй и третий. Однако структура «Мономахова трона», в основании которого лежат фигуры четырёх зверей, символизирующих царства, невольно заставляет обратиться к новгородскому гербу. Там два зверя также поддерживают «трон», вернее «место» (степень) – символ власти, аналогичный трону. Возможно, присутствие в новгородской эмблеме медведя и рыси (барса) могло в определённой степени «отсылать» к символике библейских царств. Настаивать на подобной интерпретации невозможно – для этого нет достаточных оснований, учитывая к тому же конкретные внешнеполитические функции печати 1565 г. (дипломатические документы в отношениях со шведским двором), но вероятность отрицать нельзя.

Итак, в новгородском гербе, который прошёл длительный путь эволюции, медведи (первоначально медведь и барс (рысь)) выполняли функцию стражей места (трона), т.е. охраняли властные prerogative правителя (ср. церемониальных телохранителей – рынд у русских царей). Возможно, причиной появления медведя в новгородском гербе послужили территориальные притязания Новгорода, и тогда медведь символизировал государственные претензии на уровне земельной эмблематики. Но не исключено и сопряжение медведя с символикой четырёх библейских царств, которая также могла найти отражение в композиционно сложной новгородской эмблеме.

Медведи как щитодержатели позднее присутствовали в русской родовой геральдике, воспроизводя отдельные фигуры гербов в щитах. Так новгородский герб, вошедший в состав гербов князей Голицыных (ил. 155) и Куракиных (потомков правившего в Новгородской земле литовского князя Наримунта Гедиминовича), оказал влияние и на неофициальные варианты этих гербов с медведями в качестве щитодержателей (в гербе князей Ромодановских щитодержатели-медведи восходят к иному прототипу – эмблеме медведя под деревом, известной у потомков Стародубских князей

ещё с конца XVII в.). Такие варианты известны, в частности, на экслибрисах, надгробных памятниках, на фасадах особняков.

Финляндский же медведь просуществовал недолго, около 1581 г. его сменил лев, до сих пор являющийся национальной эмблемой Финляндии⁴⁶⁰. В новгородском же гербе медведь не только сохранился, но и «вытеснил» рысь: два медведя остались стражами трона со знаками духовной и светской власти, сменившего прежнее «место» с посохом. Однако символ медведя в его государственном, национальном значении продолжал бытовать в пространстве финской культуры. Чёрный, увенчанный золотой короной, стоящий на задних ногах медведь с красными когтями, глазами и языком, держащий в лапах меч, стал гербом финской провинции Сатакунта (западное побережье Финляндии) (ил. 156). А в мае 1920 г. прославленный финский художник Аксели Галлен-Каллела (1865–1931) поместил подобного медведя в гербе «независимой Карелии» (Ухтинского правительства), существовавшей всего несколько месяцев⁴⁶¹ (ил. 157). Ныне тот же медведь входит в герб российской Республики Карелия (ил. 158).

2. Государева охота на медведя и герб Ярославля.

На Большой печати Ивана Грозного ярославская эмблема представлена рыбой. Как долго она сохранялась в таком качестве, сказать сложно. Очевидно лишь, что в Титулярник 1672 г. в качестве ярославской вошла совсем другая эмблема – идущий на задних лапах медведь, который держит на плече протазан⁴⁶² (ил. 159). В «Описании гербам» конца XVII в. ярославский герб представлен так: «Медведь с прапором»⁴⁶³. В описании ярославской печати 1692 г. «знак» княжества Ярославского – «медведок стоячей»⁴⁶⁴. В XVIII в. протазан ярославского медведя стал секирой.

Исследователи связывают изображение медведя на гербе Ярославля с медвежьим культом в Верхнем Поволжье и «Сказанием о построении града Ярославля», известным по рукописи последней четверти XVIII в., но, вероятно, использовавшим народные предания⁴⁶⁵. В сказании рассказывается о жителях приволжского «селища» Медвежий угол – язычниках, поклонявшихся богу Волосу, и о том, как Ярослав Мудрый, княживший в Ростове (по летописным известиям при жизни своего отца Владимира, условно до 1010 г.), прибыл в это место с духовенством, мастеровыми и воинами. Язычники «испусти от клетки некоего люта зверя и псов, да растешут князя и сущих с ним». Ярослав убил зверя секирой («а пси, яко агнцы, не прикоснуса никомуждо от них»), чем привёл местных жителей в смятение. На следующий день он основал при впадении Которосли в Волгу город, названный Ярославлем. Князь «водрузи на земли сей древян крест, и ту положи основу святому храму пророка Илии; а храм сей посвя-

Ил.161 Изображение Лачплесиса на памятнике Свободе в Риге. Скульптор Карлис Зале, 1935 г.

ти во имя святого угодника, яко хищнаго и лютаго зверя победы в день его». Хотя в сказании «лютый зверь» не назван, можно думать, исходя из местного топонима, что это был медведь⁴⁶⁶. Вряд ли можно сомневаться, что именно эта легенда, вернее, народное предание об основании города, и послужило основой для создания ярославского герба.

Как показали исследования, культ медведя был вообще характерен для Ростово-Ярославского Поволжья (так же, как и для Новгородской земли)⁴⁶⁷. Безусловно, это одно из проявлений религиозных представлений более общего порядка – медвежьего культа у финно-угорских, скандинавских, сибирских и других северных народов лесной полосы. Так, у народов Сибири и Дальнего Востока распространены обряды, связанные с «медвежьим праздником», когда происходит охота (или инсценировка охоты) на выращенного специально для этого медведя (существует комплекс определённых ритуалов и соответствующий фольклор, в целом исследователи выделяют три варианта «медвежьего праздника»)⁴⁶⁸. Медведь считается хозяином зверей, зачастую родственником людей, а в некоторых случаях проводятся обряды, призванные «возродить» медведя. Подобные ритуалы, конечно, связаны и с промысловыми функциями, и с элементами тотемизма. Вероятно, одним из «отражений» древних мифо-ритуальных представлений можно считать и «медвежьи игры» – публичную борьбу с медведем, распространённую на аренах Античности и раннего Средневековья (в Византии IV–VII вв.)⁴⁶⁹. К этому же «кругу» примыкает и «медвежья потеха» скоморохов (ил. 160). Здесь нет возможности детально останавливаться на этом явлении⁴⁷⁰, отмечу только, что на Руси «ходебщики» с медведями, как и сами звери, происходили в основном из Ярославской и Рязанской губерний⁴⁷¹. Противоборство с медведем или особая сила, обусловленная медвежьими признаками (например, ушами) – мотивы и народных представлений о мифических ге-

роях. Наиболее яркий пример здесь – латышский Лачплесис (букв. «разрывающий медведя»), герой одноимённой эпической поэмы А. Пумпура (*ил.* 161). Изображение этой борьбы в центре свастики можно видеть на знаке военного ордена Лачплесиса Латвийской республики (учреждён в 1919 г.).

Культ медведя у финно-угров нашёл отражение и в топонимике, зафиксированной в «Повести временных лет»: в 1116 г. сын Владимира Мономаха, новгородский князь Мстислав «ходи на чюдь с новгородчи и со псковичи, и взя городь ихъ именемъ Медвежа Глава...»⁴⁷².

Важная особенность ярославского медведя отмечена в источнике 1692 г. – «медведок стоячей»⁴⁷³. Медведь идёт на задних ногах, подобно человеку, да ещё и несёт протазан. Безусловно, такое изображение объясняется традиционными представлениями о подобии медведя и человека, характерных для различных мифо-ритуальных систем, в том числе и славянской⁴⁷⁴. Помимо прочих антропологических характеристик медведь, как и человек, умеет ходить на двух ногах – эта примечательная особенность и отражена в ярославском гербе. Подобие медведя человеку в какой-то степени объясняет уже упомянутый, столь распространённый культурный мотив, как охота на медведя. В сказании об основании Ярославля медведь не только символизирует языческую, враждебную силу, побеждаемую князем, он как бы уподобляется ему, находясь на противоположном, отрицательном «полюсе» – борьба идёт на равных, и потому гибель медведя приобретает столь символическое значение в глазах наблюдателей.

По мысли Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, ярославское сказание входит в контекст общеславянского мифа о боге грозы и его противнике, на что, в частности, указывают и сопряжение не названного «по имени» медведя с Волосом, и упоминание построенной на месте единоборства церкви Святого Ильи, образ которого возможно соотнести с языческим Перуном⁴⁷⁵. Это корреспондируется и с религиозным смыслом самого рассказа о поединке Ярослава с медведем – «дьявольское», в данном случае языческое, начало оказывается побеждённым.

В то же время, по-видимому, охота на медведя, даже не охота, а единоборство с ним, выступает в качестве некоего важного, до некоторой степени даже непрямого атрибута княжеской власти. Причём можно думать, что победа над медведем являлась одним из косвенных факторов легитимации юного правителя. Вообще сюжет о единоборстве героя (вождя, царя) со зверем, как правило, с крупным хищником (львом, тигром и т.п.) – один из важнейших в древних обществах. Чтобы подтвердить свой статус, правитель должен был вступать в такое единоборство⁴⁷⁶. В качестве противника «царя» может

выступать и медведь, который как и лев (или другие крупные хищники), может восприниматься в качестве «царя» мира зверей. Таким образом, «царь людей» сражается и побеждает «царя зверей». Этот архетип присутствует и в культурах Средневековья. Вот как пишет польский хронист Галл Аноним о короле Болеславе III, выделяя эпизод с убийством медведя в отдельную главу: «Этот же самый отрок, прогуливаясь с немногими спутниками по лесу, остановился случайно на возвышенном месте и, посматривая сверху в разные стороны, увидел огромного медведя, игравшего с медведицей. Как только он увидел его, сейчас же спустился на равнину, приказав другим остаться, и один бесстрашно, сидя на коне, приблизился к кровожадным зверям и медведя, повернувшегося против него с поднятыми лапами, пронзил охотничьим копьем. Этот поступок вызвал достаточно удивления у присутствующих, а тем, кто не видел, должно рассказать о такой смелости отрока»⁴⁷⁷.

Существенно, что предыдущий подвиг Болеслава, также особо отмеченный хронистом – убийство дикого кабана. Такое «сочетание» вепря и медведя также традиционно. «*Вепрь* у меня на бедре меч оторвал, *медведь* мне у колена потник укусил, лютой зверь вскочил ко мне на бёдра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым» – писал Владимир Мономах в своём поучении⁴⁷⁸. Владимиро-Волынский князь Владимир Василькович (ум. в 1289 г.), племянник Даниила Галицкого, «лежаше всю зиму в болести своей, рослая слуги свое на ловы, бяшетъ бо и сам ловечъ добр, хоробор, николи же ко *вепреви* и ни к *медведеви* не ждаше слуг своих, а быша ему помогли, скоро сам убиваше всяки зверь. Тем же и прослул бяшетъ во всеи земле понеже дал бяшетъ ему Бог вазнь [*удачу*] не токмо и на одиных ловех, но и во всемъ, за его добро и правду» (Галицко-Волынская летопись)⁴⁷⁹. Сопряжённость вепря и медведя в культуре отразилась даже в средневековой европейской геральдике, где противостояние этих двух эмблем чётко прослеживается между кельтскими и германскими странами⁴⁸⁰.

Рассказ об охотах Владимира Мономаха восходит к апокрифическому тексту «Заветов 12-ти патриархов», где говорится о подвигах патриарха Иуды. Библейский же эпизод о борьбе со львом и медведем и их убийстве связан с царём Давидом (1-я Царств, XVII, 34-35). Противоборство с дикими зверями, в том числе и с медведем, не просто свидетельствовало о Божьем покровительстве над царственными охотниками, но и являлось важным элементом биографии правителя⁴⁸¹.

Сюжет о борьбе русского князя с медведем нашёл отражение и в латиноязычных немецких источниках XII–XIII вв., повествующих о чудесах Святого Пантелеимона, исцелившего раненого медведем в лесу князя Мстислава Владимировича (ум. в 1132 г.), старшего сына

Владимира Мономаха. Впоследствии Мстислав дал своему сыну Изяславу крестильное имя Пантелеимон⁴⁸².

В древнерусской культуре первое изображение охоты на медведя (в числе других охотничьих эпизодов) известно уже на фреске XI в. из Киевской Софии (ил. 162). В историографии высказывалось предположение, что в качестве всадника на коне, поражающего медведя копьём, мог быть изображён Ярослав Мудрый, а сама сцена связана с ярославским сказанием, легенда которого в таком случае оказывается довольно древней. Здесь, впрочем, важно сходство основной идеи обоих сюжетов – охота на медведя символизирует борьбу князя-христианина с язычеством⁴⁸³.

Позднее сцены охоты на медведя присутствуют в инициалах тератологического стиля орнамента рязанских рукописей XVI в. и на вещах, связанных с княжеской властью: в декоре на рогатине Великого князя Тверского Бориса Александровича (княжил в 1426–1461 гг.), хранящейся в Оружейной палате – фигура человека, пронзающего копьём в пасть вылезавшего из берлоги (?) медведя (ил. 163); на монетах Великих князей Тверских Ивана Михайловича (княжил в 1399–1425 гг.) и Бориса Александровича – охотник, разящий медведя (?) в пасть, и нападающий на зверя пёс; возможно, также на монетах Василия Тёмного (схожая сцена)⁴⁸⁴; на печати сына Ивана III, князя Юрия Ивановича Дмитровского (ум. в 1536 г.) – охотник с рогатиной идёт на медведя (?) и нападающий на зверя пёс⁴⁸⁵. Обращает внимание «связь» этого изображения с тверскими князьями, и прежде всего с Борисом Александровичем (медведь в качестве эмблемы Великого княжества Тверского на Большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. имеет иное происхождение, см. далее). Другая существенная деталь, на которую обратил внимание и А.В. Чернецов: присутствие в сцене медвежьей охоты на монетах изображения собаки (пса). Псы часто упо-

минаются в источниках в связи с охотой на медведя (противоборством), что могло, конечно, отражать и определённые реалии жизни: ср., к примеру, ярославское сказание, где псы, впрочем, выступают с «другой» стороны.

Ил.162 Охота на медведя. Фреска Софийского собора в Киеве.

Наконец, общая для всех изображений деталь – оружие, которым человек пронзает медведя. Это – копье или рогатина. Колошное оружие подобного типа (протазан) изображено и на древнейших ярославских гербах. Позднее его сменило рубящее оружие – секира, которое упоминается и в ярославском сказании (*ил. 164*). Эта замена произошла в 1720-х годах, в период деятельности в русской геральдике Ф. Санти, хотя изображение прежнего оружия встречалось на печатях ярославских учреждений, по крайней мере, до конца XVIII в.⁴⁸⁶ Упоминание секиры в ярославском сказании ясно свидетельствует о его поздней обработке (не ранее XVII в., что подтверждается и датировкой рукописи, и исследованиями Н.Н. Воронина). Древнейшим и традиционным оружием в противоборстве с медведем являлась рогатина.

Медвежья охота оставалась особо значимой для русского государя и в дальнейшем. Причём эта охота зачастую являлась по сути единоборством. Юный Иван Грозный в возрасте 13-ти лет уже ездил на медвежью охоту⁴⁸⁷. Особенно выделялся своими охотничьими подвигами Лжедмитрий I. По словам Н.М. Карамзина, «он любил ездить верхом на диких, бешеных жеребцах, и собственною рукою, в присутствии Двора и народа, бить медведей»⁴⁸⁸. Так, в ожидании приезда невесты, Марины Мнишек, Лжедмитрий продемонстрировал свою доблесть в присутствии своего будущего тестя: «А ещё царь и пан воевода ездил из Москвы на охоту. Там среди других зверей выпустили также медведя, которого, когда никто не смел первым с ним биться, сам царь, бросившись, убил с одного удара рогатиной, так что даже рукоятка сломалась. И саблею отсек ему голову. «Москва» радостно закричала, увидев это»⁴⁸⁹. О единоборстве самозванца с медведем рассказывается и в «Московской хронике» Конрада Буссова (написана при участии зятя Буссова лютеранского пастора Мартина Бера): «Он любил охоту, прогулки и состязания, у него должны были быть самые прекрасные соколы, а также лучшие собаки для травли и выслеживания, кроме того, большие английские псы, чтобы ходить на медведей. Однажды под Тайнинским в открытом поле он отважился один пойти на огромного медведя, приказал, невзирая на возражения князей и бояр, выпустить медведя, выехал на коне, напал на него и убил»⁴⁹⁰. Видимо, тем самым Лжедмитрий пытался не только продемонстрировать свою силу и ловкость, но и показать, что достоин занимать престол и является законным, хранимым Богом, государем. Примечательна всё та же рогатина, как основное оружие в противоборстве со зверем.

Даже такой молитвенник, как царь Фёдор Иоаннович отдал дань традиционной царской «забаве», правда, взирая на медвежью травлю со стороны, устраивая по праздничным дням своеобразные охотничьи представления⁴⁹¹. Известно, что на медведя ходил царь

Михаил Фёдорович. А с именем Алексея Михайловича связано известное предание о его чудесном спасении во время такой охоты в лесу под Саввино-Сторожевским монастырём. Тогда царь чуть не погиб в единоборстве с медведем, которого убил явившийся ему преподобный Савва. На сюжет этой легенды в середине XIX в. была написана Л.А. Меем поэма «Избавитель»⁴⁹² (ил. 165).

В более поздний период можно упомянуть медвежью охоту Александра II, вообще вернувшего охоте (после некоторого перерыва) статус церемонии Российской монархии. Этому эпизоду была даже посвящена отдельная статья «Выстрел Его Величества в медведя»⁴⁹³. Несмотря на то, что само «содержание» этого события оказывается в значительной степени «выхолощенным» [это уже не поединок, не единоборство, а меткий выстрел на охоте; хотя медведь и был обнаружен внезапно, жизни царя он непосредственно не угрожал (на сопровождавшей статью литографии В.Ф. Тимма рядом с Александром изображены и другие охотники⁴⁹⁴)], его глубинная семантика, как некоего фактора легитимации правителя, сохраняется. «Выстрел в медведя» происходит в 1857 г., т.е. в самом начале царствования Александра II⁴⁹⁵.

Итак, в ярославском гербе изображение медведя обычно связывается с легендой об основании Ярославля и особом культе медведя в северном Поволжье (что позднее нашло отражение в карнавальной, по сути, традиции хождения с медведем). Как показывают многочисленные примеры из русских и иностранных источников от раннего Средневековья и вплоть до второй половины XIX в., противостояние с медведем и его поражение служили важным символическим актом легитимации правителя, что и воплотилось в эмблематике ярославского герба.

Интересный пример интерпретаций гербов «Титулярника» в культуре барокко демонстрируют вирши, написанные на эти гербы и сохранившиеся в шведской рукописи в библиотеке города Вестероса. Рукопись представляет собой сборник текстов, скопированных из разных источников по указанию шведского дипломата Й.Г. Спарвенфельда, который побывал в Москве в 1684–1687 гг. Несколько страниц этого сборника занимают двадцать геральдических стихотворений – они были опубликованы и изучены шведским славистом Нильсом Оке Нильссоном ещё в 1964 г., но остались совершенно вне поля зрения отечественных геральдистов, несмотря на то, что теперь размещены в сети Интернет исследователем старобелорусской литературы О.В. Лицкевичем⁴⁹⁶. Автор этих стихотворений неизвестен, но, судя по тексту, он происходил из украинских или белорусских земель Великого княжества Литовского. По мнению Н. Нильссона, им мог быть упоминаемый Спарвенфельдом Стахей Иванович Гадзаловский (Годзаловский), шляхтич из Вильно, оказавшийся в Москве, вероятно, во время войны с Речью Посполитой

Ил.163 Рогатина Великого князя
Тверского Бориса Александровича.
Рис. Ф.Г. Солнцева.

Ил.164 Герб
Ярославля, 1778 г.

Ил.165 Иллюстрация
Н.С. Самокиша к поэме
Л.А. Мея «Избавитель».

Ил.166 М.В. Нестеров. Юность
Преподобного Сергия.

Ил.167 Н.К. Рерих.
Сергий Строитель.

Ил.168 Н.К. Рерих.
И не убоимся.

Ил.169 Пермский герб из
«Титулярника», 1672 г.

Ил.170 Герб Перми, 1783 г.

Ил.171 Смоленский герб из
Бергшаммарского гербовника.

за Левобережную Украину и затем служивший переводчиком в Посольском приказе. Авторство Симеона Полоцкого Нильссон отрицает. Во всяком случае вирши полностью вписываются в ту традицию геральдической поэзии, которая была столь заметна в славянских культурах Великого княжества Литовского и через их посредство появилась в Московском государстве. Судя по датировке рукописи, вирши могли быть написаны в конце 1670-х – начале 1680-х гг., т.е. вскоре после того как был составлен «Титулярник», но вряд ли в ближайшее время после его составления (об этом свидетельствуют некоторые ошибочные «атрибуции» гербов, допущенные автором).

Текст виршей сохранился не полностью. Двадцать стихотворений охватывают лишь часть гербов «Титулярника» (всего гербов 33), причём начиная примерно с середины титула. Ярославский герб интерпретируется в виршах так (ѣ передаёт букву «ять»):

«Человѣкомъ и скотомъ един б[о]гъ судбами,
только скотъ словомъ создан, ч[е]л[о]в[ѣ]къ же руками.
Сице от языкъ церковъ языкомъ формуеть.
Х[ристо]съ велитъ что медвѣдь з' агнцемъ пожируетъ».

Далее следует «Аллегория»:

«Даніиль прор[о]къ видѣ медведемъ персидовъ
окрутныхъ, что хотели погубити жидовъ.
И б[о]гъ есть лють грѣшникомъ и будетъ карати
всякого, хто не хочеть Хр[и]ста творца знати».

Затем «Анаграмма»:

«Д[а]в[и]дъ ц[а]рь ять медведя там же умерщвляетъ,
яко пастыръ добрый з оуст овцу избавляетъ.
Хр[и]сту над фарисей побѣду являетъ,
кр[е]стомъ сп[а]сты родъ свой д[у]хомъ с[в]я[т]ымъ знаетъ».

И, наконец, «Аналогум»:

«Ярославле с[в]я[т]ое, помни Ярославу,
Владымерову сыну доховати славу.
Носи крестъ, радѣй во всякой с[в]я[т]ыни,
живи мирно, твои суть поля и пустыни».

Как видим, в интерпретации герба медведь сопоставляется с человеком, в аллегории он выступает орудием Божьего гнева (о чём скажем далее), а анаграмме упоминается победа царя над медведем, которая уподобляется победе над грехом, а в аналогуме несение медведем креста (так интерпретируется в стихах протазан) служит символом радения о вере и церкви.

3. Медведь в контексте христианизации и пермский герб.

Медведь, разумеется, не всегда символизирует тёмные, чуждые силы, побеждаемые с Божьей помощью в единоборстве. Он может выступать и в качестве орудия Божьего гнева⁴⁹⁷. Как покровительство Бога оберегает от медведя, так его гнев посылает медведя в расплату за грехи. Такая ситуация описывается в Библии: 42 ребёнка были растерзаны двумя медведицами за то, что насмеялись над пророком Елисеем (4-я Царств, II, 24). Медведь карает и язычников – в «Повести временных лет» (под 1071 г.) медведь съедает повешенных на дубе убитых языческих волхвов, появившихся в Ростовской земле из Ярославля – «и так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя»⁴⁹⁸. Эта расправа подчёркивала «нечистоту» покойников: трупы были повешены между небом и землёй (дабы не осквернить погребением землю) и отданы на съедение диким зверям⁴⁹⁹. По-видимому, с представлениями о медведе как Божьего орудии наказания грешников связаны и опричные расправы Ивана Грозного, когда царь травил медведями людей⁵⁰⁰. Они вполне соответствуют той эсхатологической стратегии Опричнины как наказания царём своих подданных за грехи в преддверии Страшного Суда, которую осуществлял Иван⁵⁰¹. Имеются, в частности, свидетельства о казни, когда человека зашивали в шкуру медведя, а затем выпускали на него собак⁵⁰². Очевидно, отмечает А.А. Булычёв, что Иван Грозный, «отдавая опальных на растерзание собакам и медведям, учитывал... сакральную способность этих животных выступать в качестве орудия наказания Божьего грешников, усвояемой им в православной книжной и народной культурах»⁵⁰³. Такая «медвежья» казнь практиковалась и позднее⁵⁰⁴.

В то же время медведь в народных представлениях мог соотноситься и с нечистой силой⁵⁰⁵. Эта связь была столь устойчивой, что церковь даже выдвигала некоторые запреты, связанные с медведем: осуждала «латинян» за принятие «медведины» в пищу и обсуждала вопрос, может ли священник носить одежду из медвежьей шкуры. Вероятно, этими установками в какой-то степени объясняется и та борьба, которая велась духовенством со скоморохами, «влачащими медведей»⁵⁰⁶.

В образе медведя бесы, по представлениям того времени, могут являться Святым. Печерского инока Исакия они пугали «то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами»⁵⁰⁷. Святой побеждает медведя, но не оружием, как князь, убивая его, а добротой, приручая. Сюжет о Святом и медведе известен и в западноевропейской и в древнерусской агиографии. Вот как он представлен в «Житии Святого Галла», основавшего в начале VII в. знаменитое аббатство Санкт-Галлен (на-

писано житие известным поэтом и учёным IX в. Валахфридом Страбонном): «Тем временем медведь, спускаясь с горы, осторожно подбирает крошки и кусочки, упавшие у трапезовавших (*Галла и его спутника, удалившихся в пустыню*). Увидев происходящее, муж Божий сказал зверю: «Приказываю тебе, животное, именем Господним, подними дерево и брось в огонь». По его приказу огромное и страшное чудовище, пойдя и вернувшись, принесло могучее дерево и бросило в огонь. И добросердечный муж, подойдя к суме и достав из малого хранилища целый хлеб, протянул его служащему и, когда медведь принял его, предписал следующее: «Во имя господа моего Иисуса Христа, уходи из этой долины; по этому уговору ты будешь вместе с нами владеть окружающими горами и холмами так, чтобы никакому человеку, никакому скоту не причинять вреда»⁵⁰⁸. Этот сюжет впоследствии отразился в гербе Санкт-Галлена, где также изображён медведь.

Замечательно повествует о встрече Святого с медведем в «Житии Сергия Радонежского» Епифаний Премудрый: «Овогда убо демонская кознодейства и страхования, иногда же зверинаа устремления, мнози бо зверие, яко же речеса, в той пустыни тогда обретахуся. Овы стадом выюще, ревуще прохождааху, а друзии же не в мнозе, но или два или трие, или един по единому мимо течаху; овии же отдилече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его. И от них же един зверь, рекомый аркуда, еже скажется медведь, иже повсегда обыче приходит к предподобному; се же видев преподобный, яко не злобы ради приходит к нему зверь, но паче да возьмет от брашна (*еды*) мало нечто в пищу себе, и изношаше ему от хижа (*келы*) своа мал укрук хлеба, и полагаше ему или на пень, или на колоду, яко да пришед по обычаю зверь, и яко готову себе обрете пищу, и взем усты своими и отхожаше...»⁵⁰⁹ (*ил. 166, 167, 168*). Здесь мы видим, что эпизод с медведем входит в контекст духовных подвигов Сергия, претерпевавшего искусы и боровшегося с бесами. Характерно, что Святой не только кормил медведя, но даже отказывал себе в пище (если её было недостаточно) ради зверя. Схожее «чудо о медведе» связывается и с житием Серафима Саровского⁵¹⁰. Тем самым чудо борьбы (победа над медведем в княжеской охоте) уступает место чуду добра и духа (умирение медведя Святым), при этом и сам медведь выглядит достаточно мирным. Конечно, в житиях таким образом символически воплощается и идея о просвещении неверных, о духовной силе христианской любви, преображающей дикое, природное начало и живущей с ним в мире (ср. литературно «сниженное» отражение того же сюжета в басне И.А. Крылов «Пустынник и медведь»).

Следует полагать, что в подобном контексте, как символ духовного приобщения язычников к христианству, изображён медведь с евангелием на спине и крестом над ним в пермском гербе. Это мед-

ведь, идущий на четырёх лапах и опустивший голову. Похожее изображение присутствует на Большой печати Ивана Грозного, но там оно обозначает «Великое княжество Тверское». В качестве же пермской печати выступает лисица. Но уже с 1620-х гг. пермскую землю символизирует идущий медведь, а в Титулярнике 1672 г. на его спине находится евангелие, увенчанное крестом⁵¹¹ (ил. 169, ср. 170). «Описание гербам» конца XVII в. так представляет этот герб: «Медведь белой, на нем Евангелие со крестом»⁵¹². Существенно при этом, что в отличие от новгородского и ярославского собратьев, пермский медведь – белый, северный. Евангелие и крест на спине идущего медведя символизируют не просто победу христианства над языческими культурами (медвежьим культом финно-угорских племён)⁵¹³, а обращение жителей края в христианство, их путь ко Христу. Возможно, эта эмблема связывалась с деятельностью просветителя коми Стефана Пермского, хотя в самом Житии Стефана, написанном тем же Епифанием Премудрым, подобного сюжета нет. Впрочем, и в этом произведении медведь выступает как один из важных «атрибутов» охотничьего промысла, в данном случае пермяков (их основного хозяйственного занятия). Местный волхв Пам-«сотник», споря со Стефаном и доказывая, что его языческая вера лучше, приводит следующие доводы: если бог не один, а их много, то люди получают и больше помощников в делах, поэтому-де и идёт столь удачная охота у пермяков, да так, что один человек или двое многократно выходят на медведя и приносят его шкуру, в то время как христиане, жители Руси, на одного медведя идут толпой до ста, а то и до двухсот человек, и нередко возвращаются с пустыми руками⁵¹⁴. Здесь, конечно, Епифаний допускает преувеличение, стремясь продемонстрировать лживость утверждений Пама, а значит, и неубедительность его доводов.

Примечательно, что типологически сочетание звериного символа с крестом над ним в пермском гербе сходно с некоторыми изображениями на шведских рунических камнях XI в. Здесь встречаются идущие звери («большой шагающий зверь», в другом случае – верблюд (?)) с помещёнными над ними крестами⁵¹⁵. Эти рунические памятники сделаны в период христианизации Швеции и, вероятно, отражают тот же круг идей, что и пермский герб. Не столько семантическая, сколько композиционная типология иной религиозной направленности присутствует в сравнительно позднем российском гербе Семипалатинска (и Семипалатинской области) (эти гербы были официально утверждены в 1851 и 1878 гг.): в лазуревом поле золотой верблюд, над которым серебряный полумесяц, рогами вверх, с серебряной пятиконечной звездой⁵¹⁶. Здесь бесспорно влияние мусульманской символической традиции.

Таким образом, в пермском гербе медведь символизировал победу христианства над язычеством, и это изображение входит в более широкий контекст сказаний о чудесах святых, к которым относится и сюжет об «умирении» и даже приручении медведя. При этом медведь может символизировать языческие, зачастую и дьявольские силы, а духовная победа над ним становится столь же традиционным атрибутом жития святого, как и физическая победа – биографии правителя.

В виршах С. Гадзаловского (1680-е гг.) пермский герб представлен в следующем образом:

«Медвѣдь природою толсть мягом ся раждает.
Ни образа, ни удов не изображаетъ.
Матка лижетъ языком звѣря, составляетъ
знак, якъ в раи Б[о]гъ Адама творил, памятает».

«Аллегория»:
«Где не съеть, жнетъ медвѣдь мровки, раки снѣдает,
Яблка тресетъ, на древь пчелы выдирает.
Зимъ постит. Лапу с'сетъ, от того толстѣетъ;
человѣку наука постить да разумѣетъ».

«Анаграмма»:
Адаму согрѣшившу творецъ Б[о]гъ прекрасный
стрѣте в раи в пулудне яко медвѣдь страшный,
яко же на страшном судѣ гды Ев[ан]г[е]лія
судиты будет, глаголетъ Еремея.

«Аналогум»:
Пермско, почитай и Ев[ан]г[е]ліе,
якъ тебѣ приказали предки всѣ с[вя]тые.
Храни закон, соблюди ц[а]рскіе уставы
от земного жития до н[е]б[е]сной славы».

Итак, в виршах представление о рождении медведя из тела лижущей себя медведицы сопоставляется с сотворением Богом Адама, зимняя спячка и вегетарианство медведя служит аллегорией поста, в «анаграмме» медведь предстаёт орудием Божьего гнева, а сам Пермский герб символизирует верность Христу и христианству.

В XVIII в. медвежья голова как элемент пермского герба стала одной из фигур в гербе Строгановых.

* * *

Таким образом, три медведя в русских земельных гербах связаны с разными мотивами семантики этого символа. Новгородский медведь, возможно, являясь финским заимствованием, имел

государственно-политическое значение (хотя не исключено влияние и духовно-идеологических настроений), ярославский же и пермский отражали существенные культурные модели: первый – единоборство и победу над медведем князя, понимаемую и как победу христианства над язычеством, второй – христианизацию в религиозно-просветительском аспекте, и если в ярославском гербе присутствует элемент насилия, то в более «спокойном» пермском передано скорее мирное приобщение к новой вере. Примеры русской геральдики свидетельствуют о сложении эмблематической презентации этих идей уже на протяжении XVI–XVII вв.

4. «Медвежья» Русь?: литовский герб Смоленска.

В самом начале XV в. Смоленск вошёл в состав Великого княжества Литовского, будучи захвачен Витовтом Великим в 1404 г. Уже в первой половине XV в. Смоленск под властью Литвы имел свой герб. Изображения его можно видеть как в западноевропейских гербовниках того времени, так и на печатях Литовских князей. Так, в Бегсхаммарском гербовнике (Codex Bergsbammar, ок. 1435 г.) этот герб представляет собой серебряного медведя в красном поле и следует сразу за гербом Тракая и перед гербом Галича (ил. 171). В Гимнихском гербовнике (Armorial Gymnich (Lyncenich), ок. 1445 г.) этот герб, расположенный в том же ряду (между гербами Тракая (Трок) и Галича), подписан как герб смоленский (ил. 172)⁵¹⁷. Смоленского медведя можно видеть среди других земельных гербов на печати Витовта Великого (между 1407 и 1430 гг.) – здесь фигуру Великого князя, восседающего на троне окружают щиты с гербами литовским, тракайским, волыньским и смоленским (ил. 173). Тот же смоленский герб присутствует и на другой печати Витовта, где представлен объединённый герб – четверочастный щит, в частях которого помещены гербы литовский, волыньский, смоленский и тракайский (ил. 174)⁵¹⁸. Медведь этот идущий, что принципиально отличает его от несколько более позднего геральдического медведя Жемайтии (Жмуди), изображения которого в сфрагистике и нумизматике известны со времени правления Александра Казимировича, т.е. с рубежа XV–XVI вв.⁵¹⁹ Жемайтский (Самогитский) медведь был восстающим (стоящим на задних лапах) и с цепью (ошейником) на шее (ил. 175). Впоследствии, после присоединения литовских земель к Российской империи, самогитский земельный герб с медведем: «в золотом поле чёрный, стоящий на задних лапах медведь с червлёными глазами и языком», вошёл в состав российской государственной геральдики.

Однако смоленский медведь литовского периода встречается и в геральдике Московского царства. Речь идёт об уже неоднократно упоминавшейся Большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. Здесь среди прочих эмблем друг напротив друга

помещены «печати» Великих княжеств Смоленского и Тверского. Смоленская эмблема представляет собой трон с лежащим на нём царским венцом, а тверская – идущего медведя. Совершенно очевидно, что при создании матрицы печати обе эмблемы оказались перепутанными. Трон с царской шапкой в XVII в. как раз известен как герб Тверского княжества, а медведь являлся литовским гербом Смоленска. Ясно, что после присоединения Смоленска к Московскому государству в 1514 г. смоленский герб стал известен и в Москве и в этом качестве вошёл в земельную эмблематику Московского царства. Впоследствии смоленский герб с медведем был заменён на новую геральдическую композицию – пушку с сидящей на ней (райской) птицей. По-видимому, это произошло после повторного отвоевания Смоленска у Литвы (вернее, у Речи Посполитой) в 1654 г.

Почему же литовским гербом Смоленска стал именно медведь? В европейской геральдике XV–XVI вв. медведь мог обозначать «дикие», «глухие» земли, населённые иноязычным или иноверческим населением. Именно этой традиции, вероятно, обязан своим появлением медведь Жемайтии, долгое время остававшейся языческой землёй – медведь в ошейнике мог свидетель-

Ил.172 Смоленский герб из Гимнихского гербовника.

Ил.173 «Тронная» печать Витовта Великого.

Ил.174 Печать Витовта Великого, 1404 г.

Ил.175 Герб Жемайтии, вторая пол. XVI в.

ствовать о «приручении», покорении этого языческого, «дикого» края. Сопряжение символа медведя с балтоязычными племенами, возможно, встречается в средневековой русской культуре. Так, интересные изображения медведей присутствуют на пририсовках к миниатюрам на полях Радзивиловской летописи (конец XV в.). На листах 155 об. и 162 представлены два рисунка медведей, отличающихся друг от друга по изображению, которые входят в более общий ряд рисунков зверей, как

бы иллюстрирующих события периода с 1111 по 1132 г. Изображение медведя, стоящего на одной задней лапе, на л. 155 об. сопровождает миниатюру, иллюстрирующую поход князя Ярослава Святополчича на ятвягов в 6620 г. Исследователи обычно усматривают в этом изображении символизацию «лесной природы покорённых краёв», лесистой ятвяжской земли⁵²⁰. Однако, по мнению А.П. Толочко, это изображение следует «исключить из общего ряда» подобных «зоологических» рисунков, поскольку сам характер пририсовки и её размер отличаются от остальных изображений зверей, а расположение фигуры медведя по отношению к основному рисунку показывает, что пририсовка не соотносилась с миниатюрой⁵²¹. Вторым медведь на л. 162 стоит на четырёх лапах и идёт в сторону от основной композиции на миниатюре, как будто изображающей изгнание жителями Полоцка своего князя Давыда Всеславича в 6636 г. Этого медведя в историографии также связывали с конкретной территорией, в данном случае Полоцким княжеством, соседним с ятвяжской землёй. Недавно А.П. Толочко убедительно показал иконографическую связь этого изображения с символикой четырёх царств из видения пророка Даниила, что снимает возможность соотнесения данного изображения с западнорусскими территориями⁵²².

В то же время сопряжение медведя с Русью, как мы видели, традиционно для европейцев, по крайней мере, начиная с XVI в. Возможно, истоки этого представления следует искать и в более ран-

ний период, и тогда появление медведя в качестве литовского герба Смоленска также соотносится с этой традицией. Как бы то ни было символизация Руси медведем уже в значительно более позднее время отразилась и в гербе Подкарпатской Руси (в составе Чехословацкой республики), созданном в 1920 г. (ил. 176)⁵²³.

В XVIII-XIX вв. в российской территориальной и городской геральдике появилось ещё несколько медведей⁵²⁴. Частью они восходили к ярославскому (герб Малоярославца⁵²⁵), частью имели более оригинальный вид (медведь в берлоге в гербе Усть-Сысольска, влезаящий за мёдом на сосну медведь в гербе Сосницы), но в последних случаях означали местные природные особенности края.

Ил.176 Печать губернатора Подкарпатской Руси.